

Р2
С30

Виктор Семерьянов
**ВСЛЕД
ЗА ЖУРАВЛЯМИ**

72
СЗ

Виктор Семерьянов
**ВСЛЕД
ЗА ЖУРАВЛЯМИ**

СТИХИ

Хр

«ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1983

P2
C 30

348930

Библиотека им. Н. Ф. Островского
С. М. Д. И. О. Т. Е. Н. А.
И. М. Н. О. С. Т. Р. О. В. С. К. О. Г. О.

Семерьянов Виктор.

C 30 Вслед за журавлями: Стихи.— Алма-
Ата: Жазушы, 1983. — 40 с.

Это вторая книга молодого поэта. Любовь к земле, к сельским труженикам — основной пафос стихов. Они о природе родного Прииртышья, с детства напоившего своеобразной красотой сердце лирического героя.

Рецензенты *Н. Филимонова и Л. Степанова.*

1 2

C $\frac{4702010200-90}{402(05)83}$ 178-33

© «Жазушы», 1983.

СВЕТЛЫЕ СЛОВА

Порог, крылечко,
двор с дровами,
и сын вприпрыжку по тропе...
Простыми названо словами,
но как все дорого тебе!
Луга и степь,
цветы и травы,
и журавли, и синева...
И ты, как все, имеешь право
на эти светлые слова.
Но кажется,
что сделал мало,
чтоб это право заслужить.
Любовь, земля,
отец и мама...
Без этих слов
тебе не жить.
А утро —
с доброю улыбкой,
а сын —
счастливый на плечах...
Иртыш качается, как зыбка,
на тонких утренних лучах.

ИРТЫШ

Ты — и радость, и печали,
о тебе не умолчишь...
Мне сказал один начальник,
мол, довольно про Иртыш,
каждый раз одно и то же —
волны, чайки да простор...
Он сказал, как подытожил,
будто вынес приговор.
Может, он и прав отчасти —
разобраться нелегко.
Но зато я знаю счастье,
и оно течет рекой.
Для меня Иртыш — не волны,
и не просто глубина,
для меня Иртыш, как Волга,
пу а Волга — вся страна.
От него — любовь и честность,
и открытость на миру.
Я умру — он не исчезнет,
он исчезнет — я умру.

ДУМАЮ О МАМЕ

И вот опять я думаю о доме,
и вот опять я думаю о маме...
Я знал
ее шершавые ладони,
они землю пахли и хлебами.
Я засыпал под этот добрый запах,
прижав к губам
ее худые пальцы...
А ветры с фронта
приносили залпы...

И я ночами
часто просыпался,
и видел слезы.
О, я их запомнил!
И доброе
людовкое соучастье...
А утром маму провожал я в поле.
И возвращенья ждал ее, как счастья.
Все помнится...
И сердце не забыло,
с той памятью мне жить
до смерти самой.
Я понимал, что маме
трудно было,
и трудно было Родине,
как маме.

НА ФАБРИКЕ

Стучится варежкой мохнатой
мороз в студеное окно...
На фабрике «Восьмое марта»
я дорогое пью вино.
Наверно, это очень странно,
а, впрочем, нет,
конечно, нет.
Я пью вино воспоминаний
за встречу через много лет.
Я вдруг увидел вечер зимний
и домик в снежной стороне...
Стучит, стучит
машинка «Зингер»,
а мама клонится над ней.
И я не знал

в тот вечер горький,
и в этом чувствую вину,
что мама шила гимнастерки
солдатам,
шедшим на войну.
Что вся страна до горизонта
была —
один горячий цех.
Что грозный лозунг
«Все для фронта!»
приказом сердца был для всех.
Живу!
Люблю ходить по кручам,
косить траву,
астречать зарю.
За то, что я такой везучий,
с любовью мать благодарю.
Спасибо, что плыву вразмашку,
не поворачивая всячьих...
Нет, не родился я в рубашке —
ее мне тоже шила мать.

ГАРМОШКА

Я бегал мальчишкой
худым и оборваным —
в войну-то одежду
попробуй добудь.
А Петька-«завмаг»
обзывал меня боровом,
имея в виду
мою худобу.
Ходил он враскачку,

на кспи — цветочек,
ботинки сверкают...
У, крокодил!
Завидуя,
я ненавидел за то, что
он в настоящих ботинках ходил.
За то, что всегда
он был в сытости пьяной,
за то, что плевал
на чужую беду,
за то, что с издевкой
пожевывал пряник,
когда я для дома
шипал лебеду.
Но это бы — ладно,
тут горя немножко.
И нечего было бы
Петьку склонять...
Была у меня отцова
гармоника,
какая гармоника
была у меня!
Играл я нехитро,
играл неумело,
но надо же было
кому-то играть.
На улицах, в клубе...
Великое дело!
И плакали вдовы,
и плакала мать.
А я утешал их
искусством негромким, —
отцовой гармоникою
был знаменит...
Лишь после пришла
на отца похоронка,

и позже пришлось мне
отца заменить.
Ходил я с гармошкой
легко и отважно,
Большие девчонки
сходили с ума...
И вот этот Петька проклятый
однажды...
Какую он музыку
мне поломал!
И больше не пели
в селе нашем несем.
Потом я покинул
родное село.
Но помнится, Петьку
я все же треснул —
за все,
за искусство же —
больше всего!

ЗАВОДСКОЙ ГУДОК

А я порою думаю с тоской —
зря не поет
гудок наш заводской.
Я мненья своего не изменяю:
я до сих пор
с почтеньем вспоминаю,
как много лет
меня из года в год
он поднимал утрами на завод.
Я плыл со всеми речкою одной,
и выплывал
у самой проходной.

Пускай тогда
считали салажонком,
работы мне не поручали
тонкой.
но просто так
штанов не протирал —
то клапана в моторах
притирал.
то — для какой еще не зная цели —
я драил в трюмах
якорные цепи.
Тому — подай,
другому — пособи...
Короче.
в рейс готовил корабли.
А что гудок?
А он молчал покамест,
он ждал,
когда я намашусь руками,
он ждал,
когда я докурю чинарь,
и лишь потом
он тихо начинал.
И так он пел
своим высоким басом,
что слушал я его и улыбался.
А он, живой,
он в небесах парил,
как будто нас за что благодарил.

У ПРИЧАЛА

Они давно стремились к дому.
И вот усталые.
с утра

приткнулись к берегу родному
речного флота катера.
Им с якорей теперь не сняться,
им долго-долго ждать весны.
Какие сны теперь им снятся,
какие им приснятся сны?
Быть может,
просто теплый дождик,
причал,
где мы с тобой стоим...
Да мало ль что
присниться может,
да мало ль что приснится им.
Пусть хорошо им снятся дома...
Метель метет белым-бела.
Прижались к берегу родному —
разлука долгою была.

КОРАБЕЛ

Неповоротливые
в робах,
вы все тут,
как богатыри...
Ты говоришь мне:
«На-к, попробуй,
полоску к борту привари!»
Дрожит звезда на электроде,
бежит по палубе звезда...
Котельщик —
звали так в народе
таюю профессию.
когда
таой дед.

упрямый и не робкий,
кувалдой —
милая, пошла! —
вгонял в борта,
как в жизнь, заклепки,
а жизнь-то попалась по швам...
Про деда вспоминаешь с болью.
не позавидуешь судьбе.
И вот тебя
зовут с любовью
высоким словом «корабел»!
Оно и радостно, и броско,
оно как взмах
орлиных крыл...
А вечер алую полоску
вдруг к горизонту приварил.

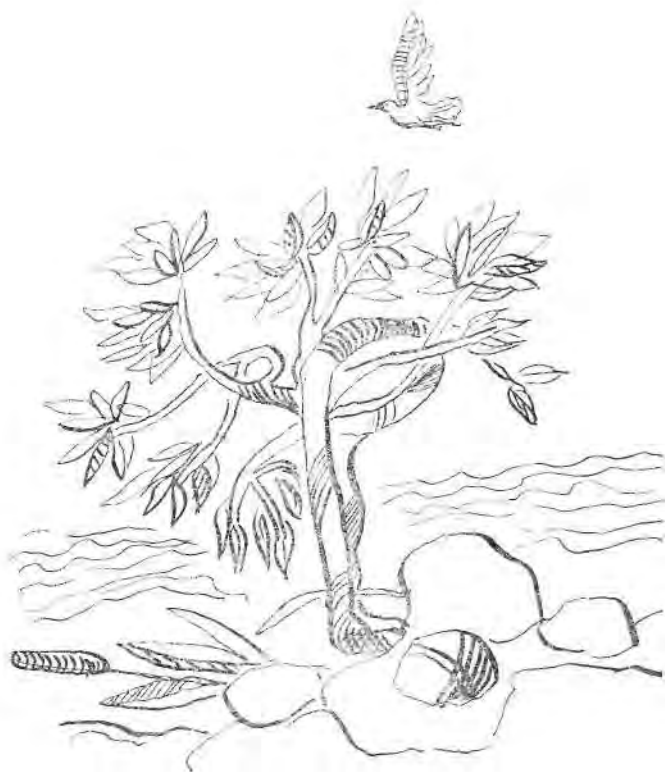
ТРАВЫ

«Заря» отходит от причала,
летит дорогою прямой,
и стаей белых шумных чаек
бурун играет за кормой.
Схожу по трапу...
Синь лесная...
И нет заботы, нет тревог.
Волна спокойная речная
играет веткою у ног.
Играй, волна, гуляй по свету.
Слегка кружится голова.
Ведет меня девчонка-лето
по разноцветным островам.
И вот — откуда столько прити —
на яр, забыва про возраст свой,

взбегаю —
и гаяжу в открытый
престор, спелый синеюй.
Идти с утра и до утра бы,
покорей шаг легкой луг...
Чем дальше ухажу я в травы,
тем ближе все, что есть вокруг —
апреля радостные струны,
и птицы, что вокруг поют,
степная даль в посевах трудных
и этот день в моем краю.

УСОЛКА

Я прихожу сюда не часто,
но сердце тянется сюда.
Нет, не под парусом промчаться —
здесь не для паруса вода.
Речушка малая Усолка,
откуда столько нагекло!
Берет она тепло у солнца,
я у нее беру тепло.
Учусь терпенью плыть навстречу
высоким бурям и ветрам.
Она меня, как лекарь, лечит
целоем побережных трав.
Грозит сдавить ее осока,
и ней подступают камыши...
Боюсь я, чтоб не пересохла
река, забытая в глуши.
Она спокойна в день погожий,
но долго ждешь такого дня.
Мы с ней, наверное, похожи,
мы с ней, наверное, родня.

В этот час даже птицы
 немеют от горя,
 в этот час даже камень
 от горя кричит.
 здесь трубят пионерские
 звонкие горны,
 как когда-то трубили
 в степях трубачи.
 И притихли девчонки,
 скуластые парни
 голубые к подножью
 приносят венки...
 И, как остров, стоит
 этот памятник в парке,
 посредине людской
 благодарной реки.

БЫЛА ВОЙНА...

Была война,
 ее нам не забыть,
 Ее забыть, как землю разлюбить,
 ее забыть, как изменить земле...
 Забыть героев Родины своей?!
 Пусть голос потеряет соловей,
 пусть охладят жаркие лучи
 и замолчат весенние ручьи,
 мы не забудем...
 Молча я стою.
 Прости, Канааш,
 я не был в том бою.

А было так, я верю,
было так —
лежал Канаш,
легко раскинув руки,
и вспоминал он
время без атак,
атаек на серебряной излучке.
Как будто вовсе не было войны —
и небо в звездах,
ни тоски, ни боли...
Давно такой не слышал тишины,
как перед этим
самым главным боем.
Давно так память
не была остра...
И вспомнил он
свои степные дали...
Бежала рядом
ленточка Днестра,
позвякивали волны, как медали.
И вспомнился ему родной аул,
и мать, и дым костра у Жолкудука...
Лежал Канаш,
легко раскинув руки.
Но нарастал прибоем боя гул
там, далеко, на правом берегу...
И встал Канаш,
и рота поднялась,
приказ был —
Днестр форсировать,
и роту
повел Канаш,
как много, много раз.
И вот пошла великая пехота.

Какие не ломала ты преграды,
какие не брала ты рубежи!
Весенний Днестр,
друзей дыханье рядом,
и льдинки по ладоням —
как ножи.

Держись, ребята,
в вас Россия верит,
она судьбу вручила вам свою!
И у врага
отбит был правый берег.

Но у селенья Гура-Быкулуй,
там, впереди, хлестала высота,
и взять ее — задача непростая.
И вот тогда сказал комбат Морозов:
«Нам надо выбить немцев с высоты.
И это можешь сделать
только ты.

Иди, Канаш!»

И рота встала грозно,
за командиром бросилась вперед —
и замолчала вражья высота...

А над землею
пламенел восход...

Все было так,
я верю, было так.

Умолк внезапно орудейный гул...

Лежал Канаш,
сжимали землю руки.

Погасли звезды,
тишина — ни звука.

А где-то ждал его родной аул,
и не дождался.

Бушевал апрель...

Но ты, товарищ,
в смерть его не верь.

* * *

По Иртышу,
где синева без края,
бежит корабль,
разбрызгивая синь.
На нем веселой краскою сверкает:
«Канаш Камзин».
По улице иду я павлодарской,
и трудно, по слогам,
читает сын —
сперкает на домах веселой краской:
«Канаш Камзин».

* * *

Ведь до сих пор
я чувствую, как жег
живой песок
мон босые ноги...
Взвалив на плечи
с шишками мешок
я за сестрой тащился по дороге.
Не первый раз
нас просека вела,
и не одно так пролетало лето...
Дорога бесконечною была,
захныкал бы
да стыдно при сестре-то.
А где-то там, вдали,
мончался лес,
и там, за лесом,
громыхали пушки.
Садвило плечи,
и хотелось лечь,

и трудно добирались до опушки...
Потом на землю падала зима,
и стальные избушки горевали...
Жгли шишки от темна и до темна —
мы маму от войны отогревали...

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

Здесь ново все,
все неизведано.
Сестра, я видел наяву,
как осторожное созвездие
в Иртыш сливает синеву.
Я не держусь уже за поручни,
когда волна крутая бьет.
Но все кажусь тебе беспомощным.
Тепло мне от твоих забот.
Я возмужал, окрепли мускулы,
а ты ночами зря не спишь...
Нет для меня желанней музыки, —
к заре стремящийся Иртыш.
Однажды в рейсе
ночью чуткою
тебе, сестра, я напишу,
что горячо
своими чувствами
я привязался к Иртышу.
Потом усну,
волной укаченный,
усну и мне приснится сон,
как почтальонша
в степь горячую
тебе приносит запах волн.

ВЕСЕННЕЕ

Еще Иртыш броней скован,
еще в степи лежат снега,
но переполнены тоскою
о майских травах берега.
Затихли белые морозы,
и тяжелеет в рощах снег,
и ветер голову морочит
веселой песней о весне.
Затон, как улей, увлеченно
гудит с утра и до утра,
и, как заботливые пчелы,
снуют стальные катера.
И вот весна приходит к власти.
Вот первый рейс, и хор гудков.
Колышет ветер южный снасти,
и будоражит речников.
Он обдает их вдохновеньем,
и капитаны говорят:
«У нас сегодня день рожденья:
весна подняла якоря!»

ЛУЧШАЯ ПРИСТАНЬ

Никогда эту пристань над кручей
не смогу пройти стороной...
Гул причалов и топот грузчиков,
белый бакен бежит над волной.
Напрягая шеи тугие,
разгружают краны суда...
Уходил я в края другие —
все равно
приходил сюда.

И река нас, кружа лесами,
возвратит через много дней.
Эта пристань — лучшая самая,
что встречалась
в плаваниях мне.
То ли в рейсах закаты дымные,
то ли грусть мое сердце жжет —
эту пристань я жду,
как любимую,
здесь меня любимая ждет.

ПРИХОДИТЕ, ГОСТИ

Приходите, гости дорогие,
приходите, усажу за стол...
Мной ли вы когда не дорожили,
я ль на вас обиделся за что.
Приходите, я достану чарки,
приготовлю вкусной вам еды...
Вспомним вместе, как вязали чалки,
как от вас когда-то уходил.
Надоели якоря и трапы,
долгие скитанья Иртышом.
Расскажу, что я с тех пор утратил,
до сих пор чего я не нашел.
Мне в другие захотелось дали,
но уже не сделать оборот...
Жизнь такие делает спирали,
что порой сам черт не разберет —
что найдешь, а что и потеряешь.
Мне бы вас, друзья, не потерять.
Потому я снова повторяю:
приходите нынче пещерять.

ПОЛЕТЫ

И вот опять качели — вверх!
От скорости
сосет под ложечкой.
Чудно устроен человек:
дай высоты ему немножечко,
и он уже — величина,
и он уже — орел над кручами.
И вся-то даль ему видна,
и все — желать не надо лучшего.
Но вот качели
вниз летят,
и сразу
звезды
удаляются,
и пропадает высота,
а человек не удивляется.
Снова разбег,
опять — держись!
Полеты не кончаются...
Качели — вверх,
качели — вниз,
качаются, качаются.

СЫНУ

Повторяла мама
в простоте своей:
«Не копн ты денег,
а копи друзей...»
И катились годы,
как за валом вал.
Ты друзьям последний
рубль отдавал.

Вместе пили, ели,
пели об одном...
Ночевало солнце
под твоим окном.
Все прекрасно было
многие года.
Но пришла однажды
вдруг к тебе беда.
Налетела туча,
грянула гроза...
Кто не отвернулся,
тот отвел глаза.
Ты ли непутевый,
иль не те друзья?
Жить без денег плохо,
без друзей — нельзя.
И твердишь ты сыну
в простоте своей:
«Не копи ты денег,
а копи друзей...»
Веришь всей душою
сыну в трудный год
на друзей хороших
больше повезет.

* * *

Хочется, не хочется,
а время не зекает —
уже зовут по-отчеству
и дядей называют.
Уже в трамвае вежливо
мне место уступают...
Неужто воды внешние
так быстро отступают!

Да неужель метелица
зеленый лист сбивает?
А мне еще не верится,
что так оно бывает.
А я еще с мальчишками
веселый мяч гоняю.
Нет, подлоте, не слишком ли!..
Нет, не хочу, не знаю..
Смеюсь я над обидами,
светло от счастья плачу.
Нисколько не завидую
тем, кто живет иначе.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Живу я в городе большом,
живу и в нем души не чаю...
Но вот однажды всей душой
осенней ночью заскучаю.
Припомню жаркие поля,
травой стесненные проселки.
Опять иртышская земля
заставит петь меня про колки,
про неизвестные места,
про шепот дремлющей осины..
Печаль осенняя проста,
но сладить с нею я не в силах.
А осень бродит в тишине,
простая, певчая, босая..
И так она горит во мне,
что все на свете я бросаю.
И сердце сразу запоет
от встречи с быстрыми ветрами,
когда в безудержный полет
рванусь я вслед за журавлями.

РАБОЧЕЕ ЛЕТО

Все острее, холоднее ветры,
все быстрее
кружит шар земной.
Вот уже, как птица,
бабье лето
тихо пролетает надо мной.
Осень, осень!
Ветер задувает
огоньки домов на берегу,
за луну боками задевая,
облака торопятся, бегут.
Осень звезды по небу разносит,
осень
гул доносит нам с полей.
На рассвете
вызревшие росы
сбрасывает ветер с тополей.
Осень, осень.
Травушка густая,
паутинок
серебристый дым...
Лето поработало, устало,
прилегло за лесом молодым.

* * *

О чем-то шепчут ветры впереди,
и желтый лес
шумит на непогоду...
Как хорошо
сейчас сюда прийти
и, словно пропусти осени
в природу.

держа в руке
поверженный листок,
ходить и думать
и молчать до ночи.
И в окруженье
неба и лесов
искать
в душе запрятанные страхи.

* * *

К вечеру
тучи сгущаются —
ночью
нагрянет гроза...
Тихо со мною прощаются,
тихие смотрят глаза.
«Нам ли гроза — не услада?» —
я улыбаюсь в ответ.
И не гадал — и не надо —
свидимся завтра
иль нет?
Песня прощальная спета,
та, что сегодня пужисей...
Знаю одно, что на свете
не было лучше друзей...

КОГДА ПРИХОДЯТ НЕУДАЧИ

Когда приходят неудачи,
ждишься ночи и заплачешь,
в раздумьях мучаясь потом —
а может, жизнь переписать?

А может, правда, ты — ничто?
Не в том твое предназначенье,
и ни к чему твои мученья
во имя счастья и добра?
А может, ты не свет — свеченье?
И может, в сторону пора?
Слетают годы, словно листья...
Но хлынет свет потоком быстрым,
гася последнюю звезду,
веселым утром, утром чистым
к тебе друзья твои придут.
Они тебя поднять сумеют,
они всех недругов сильнее,
они полны к тебе любви...
А ночь бессонную сомнений
однажды, но переживи!

СЕНОКОС

На зеленой на излучке
отдыхают мужики...
Я лежу, раскинув руки,
и ромашка у щек.
Сенокосным ранним утром
мне не верится ничуть:
человек красивый, мудрый
вдруг умрет когда-нибудь.
Разве это справедливо,
то, что выйдет жизни срок,
то, что речки говорливой
вдруг утихнет говорок?
Разве это справедливо...
Тень упала на луга,
и поднялись торопливо —
сено складывать в стога.

СОЛНЕЧНАЯ ЛОДКА

Все так же
ложатся туманы,
все так же
приходит восход.
Но сердце уже не обманешь,
что лето от нас не уйдет.
Все злее
тяжелые ветры,
все круче
речная волна.
Твое босоное лето
запомню, моя сторона.
Запомню
простор надо мною
и запах
медвяных лугов,
прощальный бурун
за кормою
и взмахи
с крутых берегов.
По-прежнему в песнях причалы
и родина радует глаз.
Но лето
вздыхает нечально,
но лето
уходит от нас.
Оно
говорит: До свиданья!
Уходит —
моли, не моли...
И веет
холодным дыханьем
на теплые руки мои.
Туманы тропинку скрывают,

доносится рокот
с полей.
А лето
от нас уплывает
на солнечной лодке своей.

В ПОЕЗДЕ

Тебе смешно,
что я с тобой рассеян,
что сердце видно,
как через стекло.
Тебе смешно,
что я бегу на север,
когда на юге
тихо и тепло.
Тебе чудно,
что не имею хаты.
Ты не поймешь меня
наверняка...
И я с тобой
шутя играю в карты,
и остаюсь все время
в дураках...

СОНЕТ

Бывает так, что ревность сердце гложет,
и нету сил тогда ее скрывать.
Скажи ты мне, куда ее девать?
Ведь говорят, ревнивым быть не гоже.

Да, ревностью любовь не приумножить.
Но выдумал ее не я. Как знать,

а может, это счастье — ревновать,
и без нее союз наш невозможен.

Жить по-иному можно ли, не знаю.
Мне б только знать, что я любим тобой,
и знать тебя — любимой и родной.

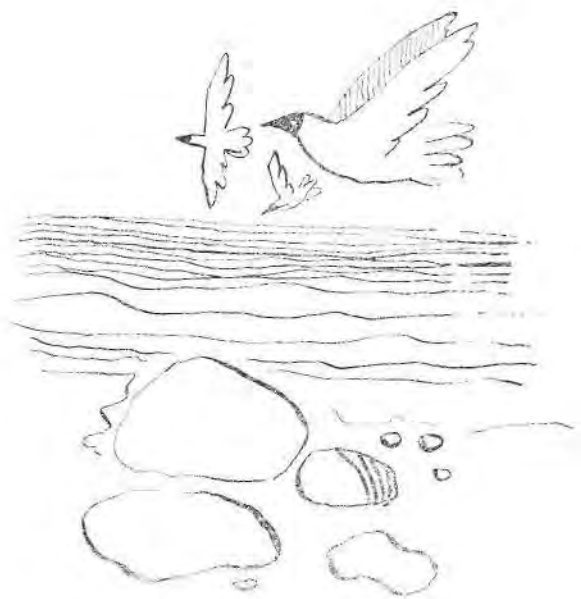
Люблю тебя без краю, но теряю,
когда порою, сам не понимаю,
ты почему-то кажешься чужой.

НОЧЬЮ

Как воры,
шторы серые срывая,
по окнам шарят
фары с большака...
Мы вновь с тобой
друг друга бьем словами,
бьем беспощадно и наверняка.
Все вспоминаем —
боль, обиды, ревность.
Такое,
что и черт не разберет.
И к самому простому примиренью
мы ищем мост,
а проще выйти вброд...
Проходит ночь..
Вот-вот заря проснется,
и хлынет в окна
солнечный поток..
и стрелками взмахнет,
и встрепенется,
и зазвенит железный петушок.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Перекаати-поле,
перекаати-поле.
Ветра буйный посвист,
золотая воля.
Захочу — направо,
захочу — налево.
Все мне позволяет
степь — моя царевна.
Степь лежит без края,
солнышко над степью.
Сам себе хозяин,
от свободы слепну.
Перекаати поле,
перекаати-поле.
Что еще мне надо,
когда есть раздолье!
Отступитесь, грозы,
время роковос!
Отчего ж я плачу?
Потерял кого я?
Теплую березку,
горизонт далекий?
Перекаати поле —
кустик одинокий.
Перекаати поле,
перекаати-поле...
Горькая судьбина,
невесела доли.

В душе моей покой,
когда никто не плачет,
когда, сменив плохой,
напрянет день удачный,
и понесет река
под парусом упругим...
Когда издалека
придет письмо от друга.
В душе моей покой,
когда с твоей любовью,
иду легко, легко,
и ты не хмуришь брови.
Когда мне просто так
вдруг улыбнется встречный, —
на сердце доброта
прольется человечья.
В душе моей покой,
когда молчат газеты,
не говорят о той,
враждебной части света.
И снова золотой
качает парус речка —
в душе моей покой...
Но так бывает редко.

ГИТАРА

Среди вещей ненужных, старых,
где толстым слоем села пыль,
увидел я свою гитару —
я, было, про нее забыл.
Я осторожно струны тронул,

перебирая не спеша,
И их серебряному звону
отозвалась моя душа.
Друзья припомнились
и песни,
что пел с друзьями у костра...
Со мною всюду были вместе
твои семь струн из серебра.
И черный гриф с каймою синей
к руке доверчиво прильнул,
и выплывала «Бригантина»,
так долго бывшая в плену.
Душе моей просторней стало.
Мотив нехитрый плавил и плавил.
Благодарю тебя, гитара.
Я, было, про тебя забыл.

КОЛЬКА

«Ты колюч, как иголка,
и как ершик, ершист.
Я ж по-доброму, Колька,
я к тебе от души.
Я к тебе без нотаций,
должен ведь понимать,
что не надо мотаться
и расстраивать мать.
Ты же парень неглупый,
так же, Колька, нельзя...»
Но кривит Колька губы,
прячет Колька глаза.
Только вряд ли расскажет,
что устал он вконец —
если мать приласкает,

го отлучит отец.
Мать у Кольки — что надо,
а отец — как чумной:
у него вся-то радость —
от пивной до пивной...
Колька, Колька колючий,
конепатый ты мой,
может, это и лучше,
что не хочешь домой.
Взгляд упрямый и колкий,
голубой-голубой...
И не знаю я, Колька,
что мне делать с тобой.

ПРОЩАЙ, УРАЛ!

С подвожки прыгнуть
и в тайгу вступить,
и строить дом
под Рыжею горою.
И щего мотаться
по степи,
изображая из себя героя.
Но поезд — умник,
он летит вперед,
от скорости
сливаются колеса...
И нас уже никто не отберет
у голубых
с налетом солнца плесов.
Земли прекрасней не найдет душа,
пускай в степном краю все зноем дышит.
Никто не отберет у Иртыша,
никто не отберет у Прииртышья!

Прощай, Урал,
великий край, Урал,
прощайте,
фантастические камни...
Тайга уходит в небо
по горам
и машет мне
зелеными платками...

* * *

Снова вьется голубь надо мной
и финты выделывают дерзко...
Вот и возвратился я домой
в давнее, коротенькое детство.
Все, как было — ставни и крыльцо,
только клены
вроде стали выше.
Мамино забытое лицо
через много-много лет я вижу.
Исходил я горы и леса,
исходил вразвалочку
и маршем...
Голубь покидает небеса
и над крышей
заполошно машет.
Нет, не зря я с голубями рос.
Не найдете
благодарней птицы:
увези ее за сотни верст,
а к родному дому возвратится.

ДОМА

От запахов
кружится голова,
от них тепло щемящее по телу..
Я так давно
в деревне не бывал:
мне думалось,
что нечего тут делать.
А тут, в деревне,
столько новостей
и столько дел,
что на всю жизнь, пожалуй..
И снова мама
стелет мне постель
и прячет плечи зябкие
под шалью.
Она поймет —
ей руку протяни,
простит за все,
с ней ни к чему лукавить..
Незабываем
запах простыни,
простиранной
усталыми руками.
Укладываясь,
бормочу слова
и чувствую
тепло ее ладони.
От запахов
кружится голова.
Все правильно,
все правильно —
я дома..

НЕ ГРУСТИ

Друг мой, нечего тужить.
Что же нам с тобой не жить,
если столько нам досталось,
что и сыновьям осталось!
Друг мой, вспомни, посиди,
все, что было позади,
все, что в жизни повидали —
тучи, волны, штормы, дали...
Друг мой, разве кто-то пыл?
Разве кто нам изменил?
Друг мой, больше не грусти!
Под ногами снег хрустит...
А весна, она нагрывает
и, конечно, к нам заглянет.
Так что нечего тужить.
Что же нам с тобой не жить!

КУКУШКА

На беду ли, на удачу
прилетела вдруг кукушка,
и кукует, и судачит,
опустившись на избушку.
Я же думал сад оставить
сыновьям на радость, внукам...
Да, задача не простая,
но порукою мне — руки.
Годы?
Годы — не преграда.
Сердце?
Вроде все в порядке.
Но кукушка...

Что ей надо?
Почему играет в прятки?
Детства вспомнилась картина:
лес, кукушка утром ранним...
Раздавалось это длинно
от бесчетных обещаний.
И, как в детстве на опушке,
я кричу, дурачась малость:
«Ты скажи, ответь, кукушка,
сколько лет мне жить осталось?»
Ой-ёй-ёй, не очень много,
до чего ж скупа подруга...
Ты лети своей дорогой,
ты лети, кукушка, ну-ка...
Пролетай и завтра мимо —
я тебе ничуть не верю.
Расцветет мой край любимый,
зацветет, по крайней мере.
С каждым годом будет выше,
буду жлать — везь мне не в спеху.
А кукушка...
Слышу, слышу...
И коротенькое эхо.

СОДЕРЖАНИЕ

Светлые слова	3
Иртыш	4
Думаю о маме	—
На фабрике	5
Гармошка	6
Заводской гудок	8
У причала	9
Корабел	10
Травы	11
Усолка	12
«В этот час даже птицы...»	14
Была война	—
«Ведь до сих пор...»	17
Письмо к сестре	18
Весеннее	19
Лучшая пристань	—
Приходите, гости	20
Полеты	21
Сыну	—
«Хочется, не хочется...»	22
Родная земля	23
Рабочее лето	24
«О чем-то шепчут ветры вперед...»	—
«К вечеру...»	25
Когда приходят неудачи	—
Сенокос	26
Солнечная лодка	27
В поезде	28
Сонет	—
Ночью	29
Перекати-поле	30
«В душе моей покой...»	32
Гитара	—
Колька	33

Прощай, Урал!	34
«Снова вьется голубь надо мной...»	35
Дома	36
Не грусти	37
Кукушка	—

Виктор Гаврилович Семерьянов

ВСЛЕД ЗА ЖУРАВЛЯМИ

Стихи

Редактор *К. Бакбердиева*. Художники *Ж. Мухоморова*. Худож. редактор *Л. Тегенко*. Техн. редактор *П. Сайфуллина*.
Корректор *А. Ракишева*.

ИБ № 2455

Сдано в набор 25.02.83. Подписано к печати 10.05.83. ЛР № 18129
Формат 70×90¹/₃₂. Литературная гарнитура. Высокая печать
Бумага тип. № 1. Печ. л. 125. Усл. л. л. 13. Уч.-изд. л. 17.
Экз. № 1810. Тираж 5000 экз. Цена 20 коп.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480121, г. Алма-Ата, пр. Абая, 114.

Типография оперативной и бланочно-бланочной продукции производственного объединения полиграфических предприятий «КИ-ТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли 480016, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 15/1.